

РЕВЕРСИВНОСТЬ ИДЕЙ В ФИЛОСОФИИ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

УДК 165.6; 101

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-6-14>

С. М. Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
e-mail: sklimova@hse.ru

М. А. Майданский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
e-mail: irmaid@yandex.ru

Аннотация: В статье обсуждается вопрос о способах интеллектуального общения, взаимосвязи и взаимопроникновения философских идей в России и на Западе в свете обнажившегося в нынешней геополитической ситуации кризиса теории диалога культур. На обсуждение представлена концепция реверсивного движения идей в качестве оригинальной историко-философской рамки в герменевтическом анализе философских текстов. Методология реверсивного движения может стать заменой классического диалога как встречи и общения Я и Другого. Реверсивное движение идей в философии необходимо отличать от психологического использования понятия реверсии; речь идет не о процессе одномоментного столкновения, конфронтации или даже рецепции чужих идей. Обсуждается появление нового знания в диахроническом столкновении концептуальных идей и культур в новом нарративном описании. Реверсия означает сложный путь от рождения идеи в одной среде к ее усвоению и адаптации в другом культурно-историческом пространстве и ее дальнейшую идейную фильтрацию через систему чужих культурных кодов, дискурсов и нарративов, превращение в новый – уникальный – творческий «продукт». Специфика этого процесса заключается в том, что изначальная идея, как правило, теряет свой первоначальный вид, значение и смысл и оказывает

КЛИМОВА СВЕТЛАНА МУШАИЛОВНА – доктор философских наук, профессор, Школа философии и культурологии, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

МАЙДАНСКИЙ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ – аналитик Дирекции программ стратегического развития, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; научный сотрудник, Школа философии и культурологии, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

KLIMOVA SVETLANA MUSHAILOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University

MAIDANSKY MAKSIM ANDREEVICH – Analyst, Department of Strategic Development Programmes, Belgorod National Research University; Researcher, School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, HSE University

© Климова С.М., Майданский М.А., 2023

ся интеллектуальным основанием (почвой) для нового дискурса, представляющего собой в новом времени и в другой культурной ситуации «новые» идеи и знания.

Ключевые слова: диалог, реверсивное движение идей, кризис.

Для цитирования: Климова С.М., Майданский М.А. Реверсивность идей в философии: в поисках новой герменевтики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №3 (113). С. 6-14. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-6-14>

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00100-П, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

THE REVERSIBILITY OF IDEAS IN PHILOSOPHY: IN SEARCH OF A NEW HERMENEUTICS

Svetlana M. Klimova

HSE University,
Moscow, Russian Federation
e-mail: sklimova@hse.ru

Maksim A. Maidansky

Belgorod National Research University,
Belgorod, Russian Federation,
HSE University,
Moscow, Russian Federation
e-mail: irmaid@yandex.ru

Abstract: The paper discusses the question of modes of intellectual communication, interrelation and interpenetration of philosophical ideas in Russia and in the West in the light of the crisis of the theory of dialogue of cultures, exposed in the current geopolitical situation. The concept of the reversible movement of ideas as an original historical and philosophical framework for the hermeneutic analysis of philosophical texts is presented for discussion. The methodology of the reversible movement could become a substitute for the classical dialogue as a meeting and communication of «the Self and the Other». The reversible movement of ideas in philosophy needs to be distinguished from the psychological use of the notion of reversion; it is not a process of a one-step collision, confrontation or even reception of others' ideas. What is being discussed is the emergence of new knowledge in the diachronic collision of conceptual ideas and cultures in a new narrative description. Reversion means a complex path from the birth of an idea in a certain environment to its assimilation and adaptation in another cultural and historical area and its further ideational filtering through a system of alien cultural codes, discourses and narratives into a new – unique – creative «product». The specifics of this process is that the original idea, as a rule, loses its original form, meaning and sense and becomes the intellectual basis (ground) for a new discourse, which represents «new» ideas and knowledge in a new time and in a different cultural situation.

Keywords: dialogue, reverse movement of ideas, crisis.

For citation: Klimova S.M., Maidansky M.A. The reversibility of ideas in philosophy: in search of a new hermeneutics. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 3 (113), pp. 6-14. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-3113-6-14>

Acknowledgements: This article was prepared with the support of the RSF grant no. 19-18-00100-P, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Маргинальность как «метка» русской философии

В 2002 году в журнале *Dickensian* некая Стефани Харви [18, р. 16–21] написала небольшую статью о встрече Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского в Лондоне в 1862 году. «Встреча» оказалась каверзной мистификацией английского историка Арнольда (его псевдоним – Стефани) Харви, который несколько лет ловко морочил европейских ученых, занимаясь фальсификацией различных научных фактов и событий. Сведения о беседе Диккенса с Достоевским быстро проникли в монографии ведущих западных исследователей английского писателя. Харви, однако, недооценил славы и знатков Достоевского. Обман был раскрыт, когда в 2011 году *The New York Times* написала, что два великих писателя никогда не встречались. Этот случай наглядно демонстрирует не только ироническое отношение постмодернистского толка к академической науке на Западе, но и весьма серьезное и профессиональное отношение западных ученых к русским писателям.

Между тем, уже несколько столетий наиболее устойчивой остается идея маргинальности¹ русской философии, ее извечной зависимости от западного интеллектуального основания. Эта идея вызрела, прежде всего, внутри самой русской мысли. Бесконечный поиск философского самоопределения, постоянный «прорыв» философского знания к мировоззрению и идеологии, перманентное обсуждение и поиск некой «русской идеи» маргинализировали ее статус в мировой философии почти автоматически. Однако маргинальность здесь не синоним отсталости, «потусторонней границы» или «интеллектуальной окрестности». Это вовсе не означает, что находящаяся по «ту сторону» от западной и восточной нормативности мышления русская философия принципиально отстранена от мира и негативно воспринимается в аксиологическом и этических контекстах. «Философ в провинции» – не сугубо русская

¹ Алексей Грякалов это выразил в очень русском афоризме: «У мысли есть своя окрестность». См. [14].

метафора. Скорее, это спасительное состояние для свободного ума, «если выпало в Империи родиться»². Русская мысль, в лице В. Розанова, Д. Мережковского, раннего В. Шкловского и др., предчувствуя наступающий постмодерн, четко очертила линию кризиса эпохи модерна задолго до ее завершения. Магистральные векторы культуры все больше сдвигались к ее границам. Например, тот же Розанов стал инициатором концепции смерти автора значительно раньше Р. Барта или Ю. Кристевой. С другой стороны, Хайдеггер, например, удачно возрождает сократовскую беседу в условиях «проселочной дороги», сдвигая границы привычного философского дискурса с метафизики к экзистенциализму и феноменологии.

В случае с русской философией, ее маргинальность, скорее всего, связана с имманентным существованием ее предмета на «границах» гуманитарного знания: она всегда балансировала между экзистенциализмом и литературоведением, позитивизмом и историософией, атеизмом и теологией, аксиологией и социально-политическими исследованиями. Русская философия никогда не вписывалась в строгие рамки классических или неклассических течений западной мысли, будь то интуитивизм, рационализм, трансцендентализм, или даже материализм и идеализм. Она редко создавала какие-то новые направления, значимые для Запада и Востока. Тем не менее, ни один серьезный исследователь не станет отрицать самобытности многих ее идей и подходов в современной интеллектуальной истории, так как именно в ландшафте русской культуры появились «дороги» и «маргинальные линии», которые постепенно из проселочных обрели магистральную направленность в развитии многих идей второй половины XX века.

Подлинная мысль не строится по национальному или корпоративному принципу. Значимые открытия русской мысли лежат в области культуры в широком смысле слова. Западная и восточная культуры прекрасно

² «Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря» (И. Бродский).

знают имена Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого или А. П. Чехова, А. Платонова и других великих писателей-мыслителей. Поэтому, например, О. Уайлд, Д. Голсуорси, Т. Манн неоднократно признавали важность для себя их идей и художественных текстов. Знакомство с Достоевским повлияло на творчество американских писателей Т. Драйзера, У. Фолкнера, Р. Райта и др. Например, Р. Райт пишет своего «Подпольного человека», даже в названии «повторяя» концепты своего русского визави. Влияние Достоевского на французский экзистенциализм также хорошо известно и изучено. Гораздо любопытнее проследить стихийно возникшие феноменологические характеристики его наследия, связанные со специфическим анализом сознания-бытия как образного пространства его художественных миров. Самосознание героев его романов можно представить как своеобразную феноменологическую процедуру, в которой все внешние обстоятельства – Россия, Европа, мир – заключены в скобки. А такие смыслообразы как Бог, Мир, Богочеловек и т. д. описаны не как объективные данности, а как продукты изменения «естественной установки» (Гуссерль) сознания героев с внешней реальности на ее внутреннее переживание. Как известно, Э. Гуссерль стремится показать жизненный мир как нечто повседневное и изменчивое. В то же время он говорит о нем как о чистом феномене сознания. Достоевский же на примере своих маргинальных героев показывает, как их подполье предстает и как чистое сознание, и – одновременно – как их прорыв к реальной (живой) жизни, вне абсолютизации внутреннего мира сознания. Исследование Достоевского как феноменолога и философа [16, р. 32] открывает нам мир внутренней общности русской мысли, воплощенный в художественном слове и в то же время находящейся в мейнстриме мировой философии.

Известно, что Л. Витгенштейн испытывал мощное влияние Толстого и Достоевского [5]. Современная западная критика пытается уловить эту связь, опираясь на тексты австрийского мыслителя [8]. Отечественная

философия идет от обратного – от русских писателей. Это позволяет использовать русский язык литературы для понимания западной аналитической философии, этики и логики.

Возможно, еще более важной для мировой культуры является фигура Л. Толстого. Он был человеком мира и мыслил настолько универсально, что его идеи оказались близки и индийскому мыслителю М. Ганди, и американскому лидеру М. Л. Кингу, и многим прогрессивным мыслителям во всех частях света. Несмотря на некоторое европейское высокомерие высказываний Т. Манна, пишущего о Толстом, как о «первобытно-языческом божественном старике», в его рассуждениях много искренности и преклонения, совпадающего с «мистическим благоговением Горького», которого он также припомнил в своем знаменитом эссе [12, с. 549]. Всесторонний анализ темы влияния и взаимосвязи Толстого и прогрессивных деятелей США был дан в книге Г. В. Алексеевой [1], крупнейшего специалиста в этой области. Она собрала и обобщила работы Г. В. Аникина, Г. Я. Галаган, Н. К. Гудзий, Т. Л. Морозовой, А. Н. Николюкина, Э. Ф. Осиповой и многих других. В ее книге проанализированы все, известные на сегодня, источники о контактах Толстого с американскими корреспондентами, представлены уникальные материалы российских и американских архивов.

Интерес не только к ярким именам, но и многим парадоксальным «русским идеям» был весьма устойчив на протяжении всего XX века в западном интеллектуальном мире. И. Берлин [3, с. 19–43], например, с огромным интересом относился и к русскому, и к западному Просвещению, а Л. Энгельштейн [15] десятилетиями пыталась ответить на вопрос: что же славянофильского было в славянофильской империи. Оригинальной оптикой – «взглядом со стороны» – стал анализ отечественной философии в работах известного западного исследователя русской философской культуры Эверта ван дер Звейрде [9]. Несмотря на любовь к русской мысли, прекрасное знание отечественной философии,

автор уверен, что русская философия никогда не была и не будет популярна на Западе. Очевидно, это так, если под популярностью иметь в виду массовый бум наподобие сегодняшнего увлечения идеями американских аналитических философов и в Европе, и в России. Однако трагическая современная геополитическая ситуация может сработать парадоксальным образом, заставив интеллектуальную публику еще раз взглянуть на историю русской философии уже «не со стороны», а в поисках имманентной логики развития мировой культуры для понимания случившихся мировых катаклизмов и антагонизмов. Происходящее сегодня – не только результат геополитических игр, но и результат перманентной трансформации самой «русской идеи».

Этот парадокс хорошо описан самим Звейрде, который в одном из интервью высказал важную мысль о зеркальности русской и западной философии. Речь не о манихейском «зазеркалье». То, что русские пристально всматривались в Европу столетиями, известно хорошо. Но Звейрде дает совет и западной мысли более пристально всмотреться в свое «другое», в мир русской философии. Не может исключительно один мир быть виноват в трагедиях другого. Принцип Достоевского «все за всех виноваты» как никогда важен для этизации современного политического дискурса и политического поступка; необходим отказ от идеи абсолютного противостояния добра и зла, белого и черного с указанием конкретных злодеев и ангелов. Пойми мы это раньше, возможно, сегодняшнего мирового экзистенциального кризиса и не было.

Реверсивность идей в историко-философском контексте

За прошедший со времени возникновения русской философии в середине XIX века период случилось множество исторических и политических событий, философских открытий, обусловленных в том числе интеллектуальной мобильностью, живой связью русской и западной мысли в XX–XXI веках. Первая русская эмиграция стала началом идейного

потока, позволившего, свернув с проселочной дороги славянофильского типа, влиться в мировой интеллектуальной мейнстрим, подобно ручью, впававшему каплей в океан. Следует заметить, что интерес западных ученых вызывает не только классика столетней давности. Парадоксальным образом, но идеи Э. В. Ильенкова, М. Мамардашвили, В. Подороги, С. Хоружего и многих других давно уже находятся в обиходе интересов самых разных философских школ и направлений Запада сегодня.

Историко-философский опыт «встречи» и зеркального взглядывания друг в друга различных культур становится аксиологическим основанием для некоторого оптимизма – веры в неизбежность интеллектуальной интеграции многих народов мира в единое гуманистическое и смысловое пространство. Опыт встречи России и Запада может быть представлен через оригинальную методологию реверсивного движения идей, под которой мы понимаем герменевтику особого рода.

В своей преданности идее диалога культур как творческих субъектов и их сотворчества мы потеряли саму мысль об объективной логике развития культуры. Движение к единому гуманистическому и смысловому пространству, которое сегодня дало сбой и даже пошло вспять, имеет свою объективную логику. Понятие реверса в данном случае характеризует механизм взаимоотражения и взаимодействия культур в процессе обогащения каждой и одновременно всего мирового культурного пространства.

«Действительная культура предполагает сознание не внутримирности наших самых важных состояний или идеалов. Они не есть некие идеальные образцы, якобы существующие в мире, к которым мы постоянно приближаемся, рассчитывая на их достижимость. В мире никогда не будет «чистой морали» или «чистой», бескорыстной любви как реальных психологических состояний... Но в мире, который гранично очерчен такого рода вещами, они могут случаться, причем только у людей, способных пребывать в состоянии усилия

трансцендирования. Или, точнее, бытия трансцендирующего усилия, поскольку оно тоже имеет бытие, которое и свидетельствует о присутствии в мире человека в полноте его свободы» [11, с. 373].

В размышлениях об отечественной и западной философии методология «реверсивного движения идей» может заменить традиционный дискурс о диалоге как встрече и общении «Я и Другого». «Другой», в данном случае, не равнозначен другому меня самого (Другое Я), не равнозначен усредненному Я – Das Man или некоему Ты, характерному для многих диалогических теорий XX века. Сегодня диалог (вернее, его полное отсутствие в современном геополитическом пространстве) ярко показывает свою методологическую ограниченность и недееспособность. Трудно поверить, но в XXI веке люди разучились понимать друг друга, исчерпав, казалось бы, безграничные возможности культуры, логики и языка. Препятствием к диалогу, как нам кажется, стала тотальная «коррупция сознания» (Коллингвуд), успешно «победившая» индивидуальное Я в XX веке; произошел мировой кризис национальной идентичности и – одновременно – этический паралич в области поступка.

Согласно Коллингвуду, «коррупция сознания» большинства связана с зависимостью от господствующей идеологии, с переключением внимания с «нежелательного факта» на вовсе не «возвышающую» нас ложь. Или на коллективные мифы о самих себе, своей культуре, нации, собственной исключительности, которые заботливо охраняют человека от непредвзятой встречи с реальностью. Все установки на бахтинский диалог – бытие как со-бытие, со-участие, со-присутствие; ответственность поступка, соединяющего смысл и факт, рациональность как момент ответственности [2] – как-то незаметно растворились в жестком противостоянии Мы – Они, свои – чужие, лучшие – худшие, личность – массы.

Диалог разных цивилизаций и культур без рефлексии, как известно, невозможен.

Но возможно косвенное восстановление единства различным посредством объяснения сути реверсивного движения идей. Нам удалось найти лишь одну статью, частично связанную с данной темой [13]. Здесь реверсивное движение приближено к литературному жанру путешествий, опирается на биографический метод познания другого и впитывания чужих идей в свое индивидуальное бытие. В нашем случае аналогия уместна, но наша метафора не путешествие людей, а путешествие идей в их взаимообратимости. Здесь, возможно, в качестве иллюстрации подошла бы поговорка, как-то упомянутая А. Грыкаловым: «Русский лен вернулся домой голландским полотном». Необходимо реверсивное движение идей отличать от аналогичного понятия в реверсивной психологии. Там речь идет скорее о действии по принципу «от противного», когда акции совершаются вопреки запретам и общепринятым правилам через открытую или скрытую ментальную или идейную оппозицию чужому мнению или давлению. Психология использует реверсию как манипулятивный прием, желание добиться результата парадоксальным способом. Иногда понятие реверсивного используют для логических описаний работы мозга [4].

Реверсивное движение идей в философии – это нечто совсем иное. Это не процесс одномоментного столкновения, конфронтации или даже рецепции чужих идей, а историческое и теоретическое, как бы отложенное во времени, столкновение концептуальных идей друг с другом, взаимообогащение и взаимопротивостояние, а также создание на этой основе нового учения (или теории), рассмотренного в каком-то историческом или теоретическом моменте, делающим это столкновение неизбежным. Реверсия означает сложный путь от рождения идеи в одной среде к ее усвоению и адаптации в другом культурно-историческом пространстве, последующую идейную фильтрацию через систему чужих культурных кодов, другого дискурса и нарративов в новый творческий «продукт». Специфика в том, что зачастую, пройдя че-

рез «горнило» времени и разных способов вербальной и рациональной адаптации, идея может потерять свой первоначальный вид, значение и смысл и стать основанием для нового типа дискурса, в новом времени и другой культурной ситуации. Истинное философское мышление – это всегда «мышление заново» (Мамардашвили) и именно эта установка здесь наиболее ярко проявляется. Например, переформатирование идей Н. Ф. Федорова в современной континентальной философии. Его идеи оказались востребованы в рамках пересечения экологической мысли (понятия «антропоцен» и т. п.), философии технологии и планетарной и космической мысли. Данные аспекты анализа становятся все более насущными, в том числе, в связи с растущими технологическими возможностями по освоению внеземного космического пространства. Сегодня актуализировалась и концепция Земли Федорова по отношению к истории и смерти, а также концепция «общего дела» как антагонистическая по отношению к биополитическим и капиталистическим логикам западного модернити. Для того, чтобы понять специфику осевших в новом дискурсе и культуре идей Федорова, необходимо вернуться и восстановить особенности этих идей о космосе и технологии, а также более детально рассмотреть его отношение к европейской нововременной философской традиции осмысления отношения человека и космического пространства. Совершенно очевидно, что идеи Федорова являются генетическим основанием по отношению к философии космоса и философии технологии XIX–XXI вв., своеобразно включившей его идеи в новые процессы научно-технического развития. В то же время мы можем увидеть не только «схватывание» Западом идей Федорова, но и критическое расхождение его мысли с европейской, формирование внутри русского космизма альтернативного подхода к связке *экология – космизм – сообщество*.

В историко-философском аспекте реверсивное движение начинается с идеи реконструкции уже «утвержденной» в философии мысли, для того чтобы понять, как и какая

новая проблема рождается в новом времени и новом интеллектуальном контексте. «Вечна и существенна не та или эта система, ибо каждая особая система есть не что иное, как промежуточный отчет о прогрессе мышления вплоть до того момента, когда появилась эта система, но сама необходимость мыслить систематически» [10, с. 172]. Время впитывает в себя идеи, как губка влагу, перемешивая и перестраивая познавательную структуру и создавая новые пути открывания истины (а это и есть герменевтическая проблема). Когда западный автор ссылается на русского, можно смело говорить о диалоге, даже если речь о полном несогласии в позициях. Когда же чужое скрыто даже от самого автора, возможно, речь может идти о реверсивности идей, их сложной адаптации в культуре.

Только добросовестное изучение всех архивов, источников и влияний, реконструкция историко-философского движения «назад к идеям» сможет помочь найти, например, следы русской мысли в современной французской или итальянской философии, или увязать французский структурализм с идеями Московско-Тартуской школы. Приведем конкретный пример: на формирование мышления Бахтина огромное влияние оказал Коген, на Когена – Кант, на Канта – Платон, давший идейный толчок бахтинской теории диалога, без которой сегодня не обходятся ни западные социально-политические науки, ни даже современный феминистский дискурс. Его литературоведческая теория в XXI веке из области «Arts and Humanities» неожиданным образом перекочевала в область «Social Studies», обретя прикладной характер и отражая практико-проблемно-ориентированный подход [7]. Язык Бахтина в то же время сегодня снабжает итальянских анархо-марксистов мощным аппаратом исследования генезиса субъективности в современном социуме. Таким образом, его имя оказалось вплетено в пучок современных западных теорий и подходов в области политической философии и социальной теоретической психологии, в фокусе внимания которых оказалась дискуссия о значении

социального мира для формирования психологических функций человека. Идеи Бахтина используются в виде нарративного анализа, который фокусируется на построении индивидуальной идентичности и позиционирования в культурных мирах (например, теория диалогизма Яна Вальсинера).

В то же время реверсивное движение идей в методической части опирается на подход «рецептивного перепрочтения» или «рецептивной эвристики» [17, р. 124–139]. В результате обнаруженных «эвристик» вырабатываются процедуры, направленные на решение ситуативных задач в новой проблемной области, отсечение неперспективных вариантов, формирование принципиально новых языков описания и так далее. Рецептное перепрочтение ставит перед собой одновременно несколько целей: рецепцию определенной традиции мысли, требующей существенной герменевтической работы по преодолению исторической и контекстуальной дистанции; сознательную расстановку акцентов в интерпретации, позволяющую узнавать «свое» в другом, в том, что высказывалось в ином контексте и по иному поводу, но не с целью приписать автору намерения, коих тот не имел; или дать некоторое воображаемое истолкование, опирающееся на тезис о «смерти автора» и приоритет позиции читателя, но с целью своеобразной «герменевтики себя». Подобного рода стратегии вполне сознательно придерживались некоторые российские философы на рубеже эпох в 1990-е – начале 2000-х. Это было связано с особой задачей быстрого реагирования на весьма значительный массив прежде недоступных (или труднодоступных) текстов.

Ярким примером стали работы В. В. Бибикина, переводчика и философа, автора множества оригинальных философских курсов. Эти работы сочетали в себе весьма нетривиальные конфигурации из историко-философских сюжетов, а также – их вплетение в более широкую канву «вопросания из сегодняшнего времени», в котором сам Бибикин исполнял скорее роль «проводника по чужим текстам», чем традиционного герменевтика. Результатом

подобного рода рецептивного перепрочтения стали его авторские версии «Хайдеггера» или «Витгенштейна», которые радикальным образом отличаются, например, от «Хайдеггера», описанного в книге Н. К. Гаврюшина [6] или «Витгенштейна» Вадима Руднева. Бибикин и Руднев как будто борются за присвоение философов. Наряду с этим можно вспомнить пример В. Подороги, который в своих монографиях соединял идеи В. Бенямина, М. Хайдеггера, М. Мерло-Понти и Ж. Делеза, давая вполне эксплицитные отсылки к ним. В то же время он выстраивал собственный нарратив как игру: в его аналитической антропологии, как кажется, есть множество творческих синтезов, попыток встраивания собственного вопрошания в большую традицию континентальной философии, при практически полном элиминировании полемиического контекста и каких-либо столкновений с противоположными фигурами, очень важными всех вышеозначенных авторов. Стратегия рецептивного перепрочтения, таким образом, выразительно тяготеет к формированию некоторого «набора единомышленников», или «союзников», у которых предлагается поучиться и воспринять определенные мыслительные ходы, аргументативные приемы или концепты и попытаться поместить их в актуальный контекст.

Заключение

Наш разговор о поиске новых герменевтических стратегий выстраивания линии связи между различными философскими традициями, анализ того, что мы назвали реверсивным движением идей, связан с поиском оптимистичного варианта развития истории. Герменевтический метод устанавливает корреляцию и паритет объяснительных и описательных стратегий. Очевидно, что русские авторы, как и западные, действуя через определенную герменевтическую установку, хотят узнать себя в чужом повествовании и чужих философских откровениях, определить свое место в исторических событиях, в мире другого и других, или, как говорил В. Бибикин, задаться целью узнавания себя.

Эта способность укоренена для него, как и для всех нас, в практике философской беседы, чтения и письма. Это узнавание должно быть многомерным и многосторонним. Русская философия и литература, как и западная, имеет не только интеллектуальное, но и глубокое экзистенциальное измерение.

Тупиком в понимании единой логики культуры является отношение к чужим идеям как к враждебным и негативно окрашенным, что блокирует реверсивный механизм взаимотражения как способ рождения нового в культуре, порождения собственных идей и их ограничение.

Список литературы

1. *Алексеева Г. В.* Американские диалоги Льва Толстого. Тула: Ясная Поляна, 2010. 253 с.
2. *Бахтин М. М.* К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. Москва: Русские языки; Языки славянской культуры, 2003. 958 с.
3. *Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм. Москва, 1998, С. 19–43.
4. *Богданович М.* Реверсивная логика [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2017/06/21/851>
5. *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916 гг. / Под общ. ред. В. А. Суровцева. Москва: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2018. 400 с.
6. *Гаврюшин Н. К.* У колыбели смыслов. Статьи разных лет. (Исследования по истории русской мысли. Т. 20). Москва: Модест Колеров, 2019. 816 с.
7. *Гаспарян Д. Э.* Понятие социальной идентичности в западной рецепции М. М. Бахтина: от «Arts & Humanities» к «Social Studies». // Наука. Культура. Искусство. Выпуск 4 (32). 2021. С. 6–27.
8. *Друри М.* Разговоры с Витгенштейном / Пер. В. Руднева // Логос. 1999. № 1. С. 131–150.
9. *Звейрде Э.* Взгляд со стороны на историю русской и советской философии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. 557 с.
10. *Коллингвуд Р. Дж.* История идей. Автобиография. Москва: Наука. 1980. 488 с.
11. *Мамардашвили М. К.* Философия и свобода // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. Москва: Прогресс. Культура. 1992. С. 365–374.
12. *Манн Т.* Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // Манн Т. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. Москва: Гослитиздат, 1960. С. 487–606.
13. Реверсивное движение. Путешествия американских писателей в первой трети XX века. Составление и перевод с английского Даши Сиргинской // Иностранная литература, № 10, 2021.
14. Русская философия в современном мире: контексты актуальности. Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 116–139.
15. *Engelstein L.* Slavophile empire: Imperial Russia's Illiberal path. Cornell University Press, 2009. 256 p.
16. *James P. Scanlan.* Dostoevsky the Thinker (Ithaca: Cornell University Press, 2002). 251 p.
17. *Khan K.* The Theme of «Self-Recognition» in the Philosophy of Vladimir Bibikhin / Пер. с рус. // Social Sciences. 2022. No. 4. P. 124–139.
18. *Naiman E.* When Dickens met Dostoevsky // The Times Literary Supplement, 12 April 2013, N 5741. P. 16–21.

*

Поступила в редакцию 24.05.2023